

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'373:81\38:81'42
ББК Ш105.51+Ш105.55

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Л. А. Гаврилов, Р. И. Зарипов, А. С. Романов
Москва, Россия

ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ «МЕРТВЫХ» МЕТАФОР

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению функционирования в речи «мертвых» метафор. Несмотря на существующий еще со времен Ш. Балли тезис об их неспособности создавать образ в сознании реципиента, показывается, что в определенных условиях они могут «оживать». Это происходит при употреблении в речи дополнительных, ранее не упоминавшихся потенциальных компонентов (таксонов) образа, первоначальному восприятию «мертвых» метафор не носителями языка и не специалистами в соответствующих областях знаний и других приемах. По-настоящему стертыми могут признаваться метафоры, полностью утратившие свою образность, не имеющие дубликатов значения и использующиеся исключительно для номинации явлений или предметов действительности, у которых нет иных вариантов наименования. С учетом таких параметров, как экспрессия, непредсказуемость, новизна и синонимия, можно составить градацию, представленную авторской, узуальной, «слабой» и «мертвой» метафорами. Отнесение метафоры к тому или иному разряду в словарях не всегда соответствует ее действительному стилистическому потенциалу: «мертвая» и «слабая» метафоры могут оказаться конвенциональными или даже окказиональными. Статья предназначена для студентов и аспирантов филологического направления, лингвистов и преподавателей иностранных языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экспрессивность; метафоры; метафорические образы; фразеологизмы; буквализация метафор; разговорная речь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Гаврилов Лев Алексеевич, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры французского языка, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 111033, Россия, Москва, ул. Б.Садовая, 14; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.

Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, начальник группы Центра (лингвистического Министерства обороны РФ) Военного университета; Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 111033, Россия, Москва, ул. Б.Садовая, 14; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.

Романов Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, докторант, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 111033, Россия, Москва, ул. Б.Садовая, 14; e-mail: biyalka@mail.ru.

В современных метафорологии, концептологии и когнитивистике по критерию стилистической значимости метафоры принято дифференцировать на окказиональные (они же авторские, индивидуальные, креативные, творческие), конвенциональные (узуальные, широкого употребления), «слабые» (реализующие стандартные метафорические переносы) и «мертвые» (генетические, стершиеся, «окаменелые»). За период своей «жизни» они проходят путь от первой до последней категории, представители которой не вызывают образа в сознании реципиента.

Действительно, по мере роста частотности употребления метафоры в разговорном стиле, публицистике и художественной литературе теряется ее новизна и, как следствие, нивелируется ее экспрессивность. В иных функциональных стилях, научном, официально-деловом и техническом, «живые» метафоры и вовсе по умолчанию отсутствуют.

Тем не менее в определенных условиях «мертвые» метафоры могут восстанавливать свою эмоционально-экспрессивную окраску и даже обладать персуазивным (суггестивным) потенциалом. В свете этого в настоящей статье авторы ставят под сомнение категоричность определения «мертвых образов» Ш. Балли [Bally 1921: 195] и утверждают, что стершиеся метафоры способны

оказывать экспрессивное (а в общественно-политических текстах — и манипулятивное) воздействие на реципиента.

Едва ли не впервые проблема экспрессивности «мертвых» метафор рассматривается в словаре русских политических метафор А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов, Караулов 1994]. Их большая заслуга заключается в том, что в предисловии к своему труду авторы не только определили основные способы реанимации «мертвой» метафоры, но и подкрепили тезисы актуальными примерами [Там же: XVIII—XXI]:

- введение следствия из метафоры с помощью указания дополнительного свойства объекта метафоризации в той же самой модели;
- замена имени модели в метафоре на синоним или квазисиноним (метафорическое варьирование);
- отсылка к идиоме;
- отсылка к прецедентному тексту;
- метафоризация элемента сюжета прецедентного текста;
- введение других метафорических моделей, связанных с данной на уровне следствий.

Проследим процесс актуализации и концептуального воздействия стертых метафор на некоторых примерах.

Всем известно выражение «пирамида

© Гаврилов Л. А., Зарипов Р. И., Романов А. С., 2017

власти», описывающее принцип устройства власти, при котором главное лицо (пик пирамиды) делегирует свои полномочия своим подчиненным, те — своим и т. д. Это выражение имеет в своей основе образ пирамиды как символ иерархии, однако оно настолько частотно в современном политическом языке, что практически утратило всякую образность. Например: «В отличие от христианства, ислам строгой „лестницей подчиненности“ не обладает. Да, есть, конечно, муллы, имамы и муфтии. Но это — не четкая пирамида власти, не отношения руководителя и подчиненного, а, скорее, свидетельство неодинаковой образованности и разного уровня знаний отдельных персон в сфере теологии» [Добрынин 2016]. Однако стоит придать этому «мертвому» образу дополнительные, ранее не упоминавшиеся потенциальные компоненты (таксоны), изменить контекст, и он «оживает»: *Некогда монолитная пирамида власти заколебалась, дала первые трещины... Надрываясь от перенапряжения, мы стараемся приподнять чугунную пирамиду власти и, бросив ее об пол, разбить. А она то падает на бок, то раскалывается на меньшие пирамидки, которые почти мгновенно собираются вновь в огромную, почти египетскую* [Цит. по: Баранов, Караулов 1994: 54].

Как мы видим, отдельные глаголы («заколебалась», «раскалывается», «собираются»), прилагательные («монолитная», «чугунную», «меньшие», «огромную», «почти египетскую») и словосочетания («дала первые трещины», «бросив ее об пол», «падает на бок») заставляют реципиента представить некий материальный массивный объект с остроугольной вершиной, совершающий обозначенные действия и испытывающий внешнее воздействие. По сути, эта развернутая метафора может быть отнесена к классу окказиональных: все образы, созданные автором, новы и уникальны.

Для воссоздания бывшего яркого образа, заложенного в метафоре, достаточно и меньшего количества дополнительных компонентов. Например, в политическом языке широко известны избитые метафорические выражения со сферой-мишенью «система», обладающие слабой образностью, хотя и не полностью ее потерявшие: «умирающая система», «загнивающая система», «прогнившая система». Однако в контексте они могут приобретать яркие, осязаемые черты с помощью добавления всего одного словосочетания, не противоречащего метафоре смерти, а, наоборот, дополняющего ее: *Последние судороги умирающей системы могут*

быть особенно опасны [Цит. по: Баранов, Караулов 1994: 34]. Удвоение морбиальной метафоры весьма эффективно способствует сознательному (подсознательному) убеждению реципиента в неизбежности краха системы. Без этих метафорических образов для данной цели потребовалось бы гораздо больше слов и аргументов.

«Система координат» — и вовсе «окаменелое» политическое выражение, однако воспринимать его по-другому заставляет всего одно определение: *Президиум АН СССР обещает... отдать свой будущий гараж в подвале строящегося здания президиума... А по-другому — в нормальной, а не дурдомовской системе координат — мы уже и не мыслим* [Цит. по: Баранов, Караулов 1994: 133].

В политическом языке уже давно потеряла свой изначальный образ «дорожная карта». Но употребление связанного с ней на уровне следствий метафорического образа дороги ведет к созданию вполне представляемой картины: *План Шаталина — это лучшее, что есть. Это — дорожная карта. Правда, дорога с ухабами. Со многими* [Цит. по: Баранов, Караулов 1994: 284]. Реанимированная «мертвая метафора» уподобляет реализацию плана Шаталина езде по неровной, ухабистой дороге, показывая реципиенту, что реализовать этот план будет непросто.

Актуализация стертых метафор достигается, как мы видим, эксплицитным указанием в тексте дополнительных свойств и следствий из них — приемом «остранения» [Там же: XVII]. Это могут быть свойства любого характера — от простых определений до сложных фразеологизмов, отсылок к прецедентным текстам и даже метафор других моделей.

Тем не менее отдельные положения и примеры работы А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова можно оспорить. Так, с точки зрения критерия стилистической значимости авторы словаря выделяют лишь «живые» и «стертые» метафоры, приравнивая к ним конвенциональные [Там же: XIII], тогда как их градация более детализирована. Например, последние по классификации Ш. Балли отнюдь не являются утратившими свой образ метафорами и приравниваются им к разряду «конкретных» («чувственных») образов, включающих также окказиональные метафоры.

В классификации Х. де Ландтшер, методу расчета силы воздействия метафор которой исследовал А. Н. Баранов, в ряду указанных выделяется еще один пласт метафор — «слабые» метафоры, реализующие стандартные для соответствующего языка метафорические переносы [Цит. по:

Баранов 2013: 253]. По большому счету, следуя этой логике, мы не можем назвать стертой даже простую метафору «Переговоры — это бой». По-настоящему стертыми могут признаваться метафоры, полностью утратившие свою образность, не имеющие дубликатов с тем же значением и использующиеся исключительно для номинации явлений или предметов действительности, у которых нет иных вариантов наименования (см. табл. 1).

Можно утверждать, что именно такая градация в полной мере удовлетворяет сложившейся на сегодняшний день системе взглядов отечественных лингвистов на аспекты стилистической значимости метафоры и выступает базисом математического инструментария расчета ее экспрессивности и конфликтогенности. Если сравнивать эту классификацию с положениями Ш. Балли и словаря русских политических метафор А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова 1994 г., то получим терминологические соответствия, представленные в табл. 2.

Для полной ясности подчеркнем еще раз: сейчас авторская метафора может называться окказиональной, творческой или креативной; узуальная — конвенциональной, метафорой широкого употребления; «мертвая» — генетически стертой, «окаменелой».

Если возвращаться к приему «остранения», о котором упоминалось выше, авторы словаря иллюстрируют его словами известного дипломата относительно прошедших в Женеве тяжелых переговоров: «Пришлось выдержать жестокий бой, но победа достигнута». Здесь допускается фактическая ошибка, вытекающая *nitium* из упрощенной классификации метафор по критерию стили-

стической значимости, когда конвенциональную метафору, несмотря на верное определение названия, посчитали стертой.

Безусловно, использованная здесь военная метафора распространена в русском политическом языке и нередко появляется в речи подсознательно, поэтому представляется сложным создать с ее помощью новый, неординарный образ. Единственный путь — прибегнуть (*volens-nolens*) к приему «остранения», что и сделал наш дипломат. Во-первых, им добавлены отдельные слова разговорной речи, не относившиеся до этого к устойчивым оборотам военного характера: «пришлось выдержать», «жестокий». Во-вторых, синтаксическое построение высказывания носит разговорный характер (отсутствует подлежащее, используется фамильярное «пришлось»), что придает ему необычный вид. В-третьих, само высказывание, в котором отсутствует прямая номинация обсуждаемого объекта (переговоров), а есть лишь развернутая метафора, обладает для реципиента неожиданной новизной: кто из отечественных дипломатов последнего времени комментировал переговоры в подобной манере?

Кроме того, следует учесть тот факт, что комментарии официальных лиц всегда воспринимаются аудиторией с повышенным вниманием и понимаются практически буквально, особенно если они произнесены на камеру или по радио, а не прочитаны в колонке статьи. Именно по этой причине заявления политических деятелей в сравнении со словами политтехнологов и журналистов оказываются более продуктивными в структурировании политической картины мира в сознании (подсознании) реципиента.

Таблица 1. Факторы, определяющие экспрессивность метафоры

метафора	экспрессия	непредсказуемость	новизна	синонимия
авторская	+	+	+	+
узуальная	+	частичная	частичная	+
«слабая»	+	–	–	+
«мертвая»	–	–	–	–

Таблица 2. Классификации метафор по критерию стилистической значимости

Х. Ландтшер	Ш. Балли	А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов (1994)
авторские	«конкретные» = «чувственные» образы	«Живые» = креативные = творческие
узуальные		
«слабые»	«эмоциональные» образы	«мертвые» = конвенциональные
«мертвые»	«мертвые» образы	

Таким образом, рядовая, казалось бы, военная метафора выглядит «посвежившей», «воскреснувшей», и было бы преувеличением называть ее стертой.

Наконец, стилистическая значимость метафоры определяется не тем, как воспринимает сферу-мишень (переговоры) субъект метафорического воздействия, т. е. дипломат, как утверждают авторы словаря, а тем, как ее воспринимает объект метафорического воздействия — аудитория. Более того, дипломат может даже сознательно не различать два понятия, переговоры и войну, и поэтому по умолчанию говорить о первом из них в военных терминах, но для реципиента, как было показано выше, в подобном контексте и с учетом характера комментария официального лица метафора приобретает новый оттенок. Таким образом, в данном случае метафору ни в коем случае нельзя считать стертой, хотя и окказиональной ее нельзя назвать, поскольку образ не так ярок и нов.

Стоит упомянуть и о случаях первоначального восприятия «мертвых» метафор, представляющих собой отдельные словосочетания, устойчивые клише и отдельные термины, неспециалистами в соответствующих областях знаний. Такие конструкции могут показаться реципиенту эмоционально окрашенными, а иногда — даже неожиданными и парадоксальными.

Подобные лексические единицы приобретают экспрессивность за счет контрастивного эффекта, который создается на фоне общепринятых представлений о том, что в научном стиле лексика в принципе однозначна и строго системна. Тот факт, что в ряде случаев для раскрытия и доказательства выдвигаемых в тексте положений, а также представления, познания и понимания новых понятий авторы научных текстов могут сознательно прибегнуть к метафорам, нередко оказывается для реципиента открытием. Хотя тропеическое (метафорическое) терминообразование применяется вовсе не для эмоционального воздействия на реципиента, оно ведет к созданию кратковременного, но яркого и запоминающегося образа в его сознании: «Черная дыра — область пространства-времени, гравитационное притя-

жение которой настолько велико, что покинуть ее не могут даже объекты, движущиеся со скоростью света, в том числе кванты самого света».

Подобная «внезапная» образность метафор проявляется и у тех, кто находится в процессе освоения иностранного языка. Так, изучающие французский язык как иностранный часто воспринимают экспрессивными такие слова и выражения, как “Le malade baisse de jour en jour”, “une verte vieillesse”, “une maigre compensation”, “une parole blessante”, “étouffer in cri” и др. [Bally 1921: 194]. Справедливости ради стоит отметить, что сам Ш. Балли относит их к разряду слабых, но «живых» метафор («эмоциональных образов»), экспрессию которых носитель языка может постичь через интеллектуальное усилие. В сознании же иностранца эти образы «расцветают» и соответствуют уровню конвенциональных и творческих метафор («конкретных»/«чувственных» образов, по Балли).

Таким образом, принадлежность метафоры к какому-либо разряду «на бумаге» не всегда соответствует ее действительному стилистическому потенциалу: «мертвая» и «слабая» метафоры могут оказаться конвенциональными или даже окказиональными. Это проявляется как в письменной, так и в разговорной речи и зависит от использования в тексте приемов актуализации: введения следствий из метафоры или других метафорических моделей, связанных с данной на уровне следствий, замены имени модели в метафоре на синоним или квазисиноним, отсылки к идиоме или прецедентному тексту, а также метафоризации элемента сюжета прецедентного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 368 с.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. — М. : Редакция АСМ : Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
3. Добрынин В. Франция решила создавать версию «европейского ислама» // REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2190712.html> (дата обращения: 02.05.2017).
4. Черная дыра // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Черная_дыра (дата обращения: 17.03.2017).
5. Bally Ch. Traité de stylistique française. Premier volume. Seconde édition. — Paris : Librairie C. Klincksieck, 1921. 331 p.

L. A. Gavrilov, R. I. Zaripov, A. S. Romanov
Moscow, Russia

ABOUT EXPRESSIVENESS OF “DEAD” METAPHORS

ABSTRACT. *The article discusses functioning of “dead” metaphors in speech. In spite of the view of C. Bally that they cannot create a definite image in the mind on the addressee, the article argues that in certain conditions such metaphors can “come alive”. It happens when some additional components of the image, not mentioned before, appear in speech; when the “dead” metaphor is interpreted by non-native speakers and non-specialists in the sphere; and in some other cases. The dead metaphors proper are those metaphors that have no figurativeness, no semantic counterpart; they are used to name the phenomenon or the object of reality, which has no other name. Taking into account such parameters as expressiveness, unpredictability, novelty and synonymy, it is possible to make a scale that includes author’s, usual, “weak”, and “dead” metaphors. Reference of metaphor to this or that group in the dictionary often doesn’t correspond to its actual*

stylistic potential: “dead” or “weak” metaphors may become conventional or occasional. The article is of interest to the students and post-graduate students of Philology, linguists and foreign language teachers.

KEYWORDS: *expressiveness; metaphors; metaphorical image; phraseological unit; lateralization of metaphor; colloquial speech.*

ABOUT THE AUTHORS: *Gavrilov Lev Alekseevich, Candidate of Philology, Professor, Department of the French Language, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

Zaripov Ruslan Irikovich, Candidate of Philology, Head of the Group (Linguistic Ministry of Defense of the Russian Federation) of Military University, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Romanov Aleksander Sergeevich, Candidate of Philology, Doctoral Student, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Baranov A. N. *Vvedenie v prikladnyu lingvistiku : ucheb. posobie. Izd. 4-e, ispr. i dop.* — M. : Knizhnyy dom «LIBRO-KOM», 2013. 368 s.
2. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Slovar' russkikh politicheskikh metafor.* — M. : Redaktsiya ASM : Pomovskiy i partnery, 1994. 351 s.
3. Dobrynin V. *Frantsiya reshila sozdat' versiyu «evropeyskogo islama»* // REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/society/2190712.html> (data obrashcheniya: 02.05.2017).
4. *Chernaya dyra* // Vikipediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Chernaya_dyra (data obrashcheniya: 17.03.2017).
5. Bally Ch. *Traité de stylistique française. Premier volume. Seconde édition.* — Paris : Librairie C. Klincksieck, 1921. 331 p.